

АКАДЕМИК ЛИХАЧЕВ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

Уолтер Лакер — именитый историк и публицист, автор множества книг, директор того и сего, профессор там и сям, и его книга «Чёрная сотня. Происхождение русского фашизма» (М.: Текст, 1994) в свое время читалась взахлеб, ибо скорое пришествие русского фашизма в ту пору казалось делом вполне возможным.

Психологической основой фашизма служит, мне кажется, стремление к простоте, нежелание признать трагическую природу социального бытия, в котором каждой истине противостоит не ложь, а другая истина. А поскольку большинство людей всегда стремится иметь простой и ясный ответ на вопросы, в принципе не допускающие таких ответов, то опасность фашизма тоже всегда останется неустранимой. Но если говорить о физическом терроре простых людей, твердо знающих, «как надо», то материальную реализацию фашизма мы пока что миновали, если не слушать истериков, готовых называть фашизмом всякое стеснение их желаний. Поэтому «Происхождение русского фашизма» уже можно перечитывать относительно хладнокровно, как дела сравнительно давно минувших дней.

Итак: издано при поддержке Фонда «Открытое общество» (Фонд Сороса), Нью-Йорк; перевод книги любезно предоставлен издательством «Проблемы Восточной Европы» (Вашингтон). Что любопытно — в оригинале нет слова «фашизм»: «Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia». Правда, в самой книге фашизм и его производные мелькают постоянно: «Работая над книгой, я не думал, что фашистское движение объявится на российской политической сцене так быстро и при такой поддержке избирателей. Русское издание книги необходимо сопроводить коротким пояснением. Нет нужды говорить, что это книга не о

Жириновском. Речь идет об исторических обстоятельствах и движении политических созвездий, которые сделали Жириновского возможным».

Четверть века спустя выяснилось, что Жириновский если и не отец русской демократии, то во всяком случае один из главнейших «опускателей» русского фашизма: используя экстремистские лозунги ради шутовства и эпатажа, он сделал их смехотворными, а карикатура убивает надежнее, чем пафос, возвышающий врага. Жириновский первым открыл, что демократический лидер не обязан куда-то вести — с него довольно ошарашивать и развлекать. (Попутный вопрос: не был ли такой же полудекоративной организацией, как ЛДПР, и сам страшный Союз русского народа — ведь в 1917-м, да и позже, эти спасители отечества никак себя не проявили.) Но в минуту явления Жириновского народу У.Лакер всерьез задумывался, что его вознесло. Оказалось — «русская склонность к радикализму и экстремизму, к безоглядному, далеко выходящему за пределы здравого смысла следованию идее и идеалу». Скажем, социализм в других странах привел к демократии и социальному обеспечению, а вот русские превратили его в кошмар. Так насколько же чудовищен будет русский национализм, если он и у более умеренных народов «взрывная сила»!

При этом Лакер «хорошо понимает негодование и чувство униженности, которые испытывают многие русские в этот критический период»: «Здесь не может быть существенных разногласий между русскими патриотами справа и слева. Нравственного или исторического закона, предписывающего народам и обществам кончать самоубийством, не существует». «В список могильщиков демократии можно будет включить и сепаратистов, которые пользуются вновь обретенной свободой не для примирения и компромиссов, а для нападков друг на друга и на Россию и которые в мгновение ока превратились из угнетенных в угнетателей».

Вместе с тем, «русские националисты весьма красноречивы, когда выражают свое недовольство капитализмом или жалуются на него, однако они не выдвинули никакой альтернативы — только общие банальные

рассуждения на тему национальных интересов и национальной солидарности». Об этом писал еще Владимир Соловьев: «Наш национализм желает разрушить Турцию и Австрию, разделить Германию, присоединить Константинополь и, если представится возможность, — даже Индию. Если же нас спросят, что мы можем предложить человечеству в возмещение за разрушенное и присоединенное, какой вклад в виде культурных и духовных принципов мы сделали в мировую историю, нам приходится или молчать, или отделяться ничего не значащими фразами».

Вот и «в 1991 году в Москве был проведен круглый стол, на котором обсуждались причины ограниченной привлекательности патриотического движения. Участвовавший в дискуссии Ю.Д.Речкалов (не знаю, кто это, но он явно знает дело. — А.М.) предположил, что причина тому — ортодоксальность патриотов и их тенденциозное стремление разглядывать русскую историю через очки мифологии: истинно русские — только православные; рынок и демократия — априорное зло; последний царь упоминается обязательно лишь в сусальных тонах; в Столыпине адепты движения видят фундаменталиста, защитника автократии, который всякую минуту жизни только и ломал голову, как бы укрепить самовластие».

Я и сам ничего не имею против воодушевляющих грез — если они не перекрывают путей к развитию и успеху. И в качестве едва ли не единственной крупной фигуры, чей патриотизм не сводится к разборкам с врагами, Лакер называет академика Лихачева: «Лихачев, скажем, неоднократно заявлял, что есть коренное различие между патриотизмом, любовью к своей стране, и национализмом, ненавистью к другим странам»; «сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с ненавистью к другим народам».

Хорошо бы, да только любовь к своему народу не только может, но и непременно сочетается с ненавистью ко всему, что представляет угрозу объекту любви. А поскольку все конкурирующие народы в каком-то отношении представляют угрозу друг для друга, то и неизбежным

следствием международной конкуренции является межнациональная неприязнь, — варьироваться может лишь степень ее накала. Так же как и всего лишь высшая степень накаленности превращает патриотизм в национализм — в светскую религию, обожествляющую нацию. Потому-то националисты и не могут прийти к соглашению — компромиссы невозможны, когда речь идет о святынях. Национализм не случайно явился на историческую арену вместе с ослаблением религии — он предоставил человеку альтернативную форму экзистенциальной защиты, защиты от ощущения эфемерности и незащитности, которых не может не ощущать всякий, кто наделен достаточным воображением.

Однако же, взгляды Лихачева нельзя оценивать по паре случайных, может быть, цитат. К счастью, в нашем распоряжении теперь имеется его подробнейшая духовная биография, написанная профессором Лондонской школы экономики и политических наук Владиславом Зубоком «Дмитрий Лихачев: Жизнь и век» (СПб.: Вита Нова, 2016).

Так вот, Митя с малолетства тянулся «ко всему, что было связано со «Святой Русью». ...В 1992 году Лихачев писал: «Как часто в дореволюционной России приходилось слышать слова «Святая Русь». Их произносили тогда, когда шли, ехали или плыли на богомолье, а делали это часто: шли поклониться образу, мощам, шли просто в святое место. Их вспоминали и тогда, когда, услышав недобрую весть с фронта или весть о недороде, стихийном бедствии, молились и верили: «Бог не допустит гибели Святой Руси». В народе образы Святой Руси были духовным противовесом государству, эти священные символы красноречиво говорили о другой России, существующей как бы вне несчастий, жестокостей и деспотизма, творившихся повседневно».

Родители — отец преуспевающий инженер — «поддерживали либеральные начинания, но в целом оставались довольно консервативными. Семейные корни питали патриотизм — чувство принадлежности к русской истории и любви к русской культуре». Примерно в то же время получила

распространение идея зарождения «всероссийского самосознания на основе «национальной культуры»», причем «формирование большого» должно было начинаться с любви к «малой родине», и такой малой родиной для юного Мити сделался Петербург. Он восхищался блистательным Петербургом, но при этом «задыхался от жалости» к крестьянам, приходившим в город на «изматывающие работы». Из российских гениев лишь у Толстого хватило храбрости произнести вслух: «Народ нигде не стонет, это либералы повывдумывали».

«Наивные народнические взгляды Мити безжалостно скорректировала жизнь при советской власти. И все же отзвуки этой идеологии, пропитанной искренним сочувствием и любовью к «простому русскому народу», не угаснут, даже когда Лихачев станет частью советской академической элиты и известным общественным деятелем» (даже на склоне лет ему грезился союз некой «крестьянской» и городской интеллигенции). Народничество с его антигосударственностью и, в общем-то, антикультурностью уж никак не могло сформировать единое имперское самосознание, способное обеспечить более мощную экзистенциальную защиту, чем националистические фантазии; стремление же русских националистов отождествить имперское с русским подарило всем национальным сепаратистам особенно мощный козырь. Несмотря на то, что «петербургская элита Серебряного века определяла свою идентичность в культурных и имперских, а не в этнических и национальных категориях», империя распалась, и восстановить ее железом и кровью сумели только большевики, на первых порах усматривавшие в «русской мечте» главного соперника своей интернациональной сказке. У Лихачева же поездка на Русский Север в 1921 году породила мечту «соединить петербургскую культуру Серебряного века с культурой средневековой, народной, передающейся из поколения в поколение. С этой идеей будет связана в дальнейшем научная работа Лихачева и его общественная деятельность».

После ужасов Соловков и кошмаров Блокады Лихачев, не снимая соловецкого полушубка, в неотопливаемой библиотеке Казанского университета работал над докторской диссертацией «Национальное самосознание Древней Руси»: «Лихачев пишет о «чувстве любви к родине как к живому существу»», — и мне кажется, иной любви просто-таки не бывает, — мы способны любить лишь какой-то антропоморфный образ. «О, Русь моя! Жена моя!»...

Зато мессианские грезы были ему чужды: «По мнению Лихачева, идея «третьего Рима» была духовной мечтой некоторых идеологов Церкви, а Московское государство хотело лишь завоевать признание и достойное место «в сложной среде европейской цивилизации». Россия — европейская страна: такова культурно-политическая программа Петра I и Екатерины II — Лихачев всегда придерживался этой точки зрения».

Точка зрения, на первый взгляд, вполне разумная: где же еще искать себе место, как не в самой могущественной и развитой не только в материальном, но и в научном, культурном отношении цивилизации? А если кто-то сомневается в возможности делить культуры на более и менее развитые, слово «развитые» можно заменить на «влиятельные». Так что стремление присоединиться к цивилизации самых сильных и влиятельных более чем естественно. Да вот только возможно ли сделать так называемый цивилизационный выбор в одностороннем порядке? Ведь одним из важнейших признаков клуба культур, претендующих на звание единой цивилизации, является открытое или подразумеваемое соглашение об их совместной избранности, и если какой-то претендент на вступление не ощущается старыми членами как их достойный партнер, если он, по их мнению, не соответствует их идеализированному образу самих себя, то они и не могут ощутить его равноправным сочленом, если бы даже им по каким-то соображением этого и хотелось.

В 1946 году, когда Сталин окончательно покончил с интернациональной химерой и поставил на еще более безумную

национальную, принялся переделывать многонациональную империю в мононациональное государство, Лихачев в радиобеседе решился поставить в пример современности лучших представителей русского дворянства XIX века, чей патриотизм «был неразрывно связан с романтическим индивидуализмом и греко-римским культурным наследием».

А в 1962 году Лихачева, скорее всего по рекомендации известного православного богослова и гарвардского профессора о. Георгия Флоровского, пригласили принять участие в дискуссии о русской культуре. Флоровского мучил вопрос, в чем причина так называемого «интеллектуального молчания» Древней Руси. «Почему древнерусская культура не породила ничего выдающегося и оригинального в области философских идей, науки и светской культуры?» Флоровский предполагал, что причина этого, как и причина государственных катастроф, заключалась в очаровании русского общества готовыми решениями всех своих проблем, «заимствованными сперва от Византии, а затем у «латинского» Запада». То есть беда была все в том же низкопоклонстве перед Западом. Ученик же Флоровского Биллингтон полагал причинами «интеллектуального молчания» жестокий климат, деспотическое правление и географическую удаленность от европейской цивилизации, а впоследствии и самоизоляцию от нее же. А вот Лихачев считал, что «молчания» не было, просто философская и социальная мысль в Древней Руси выражалась в форме искусства, а не научного трактата, — однако в глазах западных славистов это, скорее всего, выглядело традиционным российским мифотворчеством.

Ну, а если даже и так? Народы всегда будут руководствоваться не историей академической, но историей художественной, воодушевляющей, и если она будет побуждать к творчеству и сотрудничеству, а не к вражде, то и честь безумцам, которые станут навеивать сей возвышающий обман. «Демократия, построенная на развалинах культуры, никуда не годится, — писал Лихачев в мае 1992 года. — Жаль, что нынешние руководители России не понимают простую истину: единственный шанс для России найти

достойное место в мире... наша национальная культура». «Лишь культурное наследие и культура мирового класса, уверял Лихачев, могли дать Российской Федерации членский билет в клуб западных стран. Без них, по мнению Дмитрия Сергеевича, Россия в глазах Запада осталась бы чуждой страной оккупантов и варваров».

И то сказать, единственное, что мешает безоговорочно записать нас в клуб варваров, овладевших современным оружием, — это наши гении. Это Толстой, Достоевский, Чехов, Мусоргский, Чайковский, Шостакович, Прокофьев, Стравинский, Менделеев, Ляпунов, Колмогоров, Понтрягин, Ландау, Капица, — и так далее, и так далее. Так далее и нужно продолжать — делать ставку на самых одаренных и романтических. Национальный проект «производство гениев» — широчайшая сеть школ для особо одаренной молодежи — не требует особенных вложений: ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как национальные гении. Однако этот проект может всерьез заинтересовать уж никак не либерально-демократическую, а разве лишь либерально-аристократическую партию.